

Лужа

Найди эту темную, липкую лужу.
Смотри в эту темную, липкую лужу.
Садись в эту темную, липкую лужу
И слушай течение, свернувшись клубком.
Тебе в ней не станет ни лучше, ни хуже,
Тебе в ней не станет ни лучше, ни хуже,
Тебе в ней не станет ни лучше, ни хуже,
Пока не затянет на дно глубоко.

Когда затвердеет тягучая гуща,
Когда затвердеет тягучая гуща,
Когда затвердеет тягучая гуща,
Став клейким, трясущимся, плотным желе,
Ты будешь соринкой, нелепо гребущей,
Пускающей волны по хляби гниющей,
Все ниже ко дну безнадежно идущей,
И память сотрется о твердой земле.

Сбегая по склонам болотистых лестниц,
Во мраке летя голоском бестелесным,
Напой эту странную детскую песню
И чашей пустой черноту зачерпни.
Изведай отраву из вкусов чудесных,
Укутавшись в едкий туман легковесный
И, чтоб этот сон стал еще интересней,
В дурманном делирии крепко усни.

На ощупь бреди через сумрак ресничный,
Шагами нетвердыми куклы тряпичной,
Пока будет горечью таять токсичной
Во рту твоём горький до слез леденец.
Запрячь его за щеку в фазе статичной,
Мечтая, что вкус он утратит привычный,
И страх, истощив свой резерв безграничный,
Блужданиям этим положит конец.

Из нитей паучьих сплетая узоры,
Слезами по каплям наполнив озера,
Руками дрожащими очень нескоро
Ты сможешь связать свой спасительный трос.
Сквозь петли тоннелей и плен коридоров,
Сквозь зыбкую топь и звериные норы,
В отчаянном поиске точки опоры
Заметь неприступный скалистый утес.

Хватаясь израненной тонкой рукою
За каменных выступов тело крутое
Взберись по ступеням, стремясь за зарею,
И память вернется о твердой земле.
Но время придет, и теченье живое
В подземную реку вонзится стрелой
И медленно темною струйкой густой
Прольется из трещин на черном стекле.

Лиловое стало серым

Лиловое стало серым. По капельке, тон за тоном
Один за другим оттенки тускнели до пустоты.
Источник волшебных красок казался таким бездонным...
Остался от фейерверков лишь в небе повисший дым.

Разбавлена пестрость правдой, неряшливо разрисован
Узорами грязных пятен реальности грубый холст.
Растрочен был цвет впустую и вряд ли вернется снова,
Нет смысла теперь об этом просить у далеких звезд...

Ты можешь в меня не верить, ты можешь отнять все краски,
Ты можешь вернуть обратно подаренное тепло.
Мой цвет навсегда потерян, растаяв в тумане вязком,
И страшно увидеть правду, укрытую серой мглой.

Напрасно искать спасенье среди выцветших декораций,
Спускаясь все ниже в бездну по лестнице без перил.
В сюжете не будет чуда, и незачем оставаться,
Никто не заметит даже глухого хлопка двери.

Палитра воспоминаний — поляна цветов иссохших,
И, может быть, счастье было всего лишь жестоким сном...
Лиловое стало серым, и цвет не вернется больше,
И было бы намного проще не помнить совсем о нем.

Ежевичная тропа

Я иду потайной ежевичной тропой по железобетонному лесу,
Позади суесящихся мыслей балласт вырастает незримой стеной,
А по этой тропе желтоглазой весной убегают из замков принцессы,
Отыскать за решетками ржавых ветвей ежевичное царство из снов.

Позабыв, как дышать, я иду не спеша, тихой флейтой баюкая время,
Беспокойные звезды рассыпала ночь, черный зонтик над ними
раскрыв,
Фиолетовой бусиной светит луна сквозь стальные каркасы деревьев
И чернильные тучи по небу кружат, закрывая ее объектив.

Чтоб менялась реальность и ожили сны, я не стану за кроликом гнаться,
Не всегда стоит сказке платить головой, чтоб увидеть вокруг чудеса.
Я построю нелепый игрушечный дом из обломков цветных декораций
И вокруг посажу из блестящих семян расписной барбарисовый сад.

Будут пестрые птицы менять голоса, сонно щуря лакричные глазки,
И утонет в сверкающей патоке дней очередность бессмысленных дат.
Я найду здесь покой, пока созданный мир не покажется приторно-вязким,
И мне снова придется продолжить свой путь по маршруту придуманных карт.

Я иду потайной ежевичной тропой по железобетонному лесу
И, быть может, у самых заветных границ свет укроется тенью ночной,
И я буду идти наугад в темноте под густым ежевичным навесом
Точно зная, что в этом холодном лесу ничего не случится со мной.

Море волнуется

Море волнуется раз
У ракушки — сапфировый глаз,
Она вечностью смотрит в лицо беспокойного мира.
Ее мудрость скрывалась века
В золотых манускриптах песка,
Ее память окрасилась синим сиянием сапфира.

Море волнуется два
Я — фигура из известняка.
Под моим меловым облачением — шепот о прошлом.
Время падает каплей на дно,
Время сыпется, плавясь в стекло,
И осколок его словом истины к берегу брошен.

Море волнуется три
Посмотри на меня, посмотри,
Я лежу на горячем песке в ожиданье прибоя,
В небо слово одно оброня.
И стихает, стихает волна,
Растворяясь искрящейся пеной вишневого моря.

Мы будем молчать

Мы будем молчать –
Нам откроется тайный, волшебный язык,
На яркой палитре сольются контрастные звуки.
Под прессом печатным иссякнет чудесный родник,
Но новые краски смешают сплетенные руки.

Мы будем смотреть —
Этот мир совершенен без наших реформ,
Изменим реальность лучами сквозь стеклышки призмы.
Нарушить покой равновесия крайне легко,
Одним необдуманном жестом сломав механизмы.

Мы будем мечтать —
Превратятся метели в потоки тепла,
Найдутся ответы ко всем нерешенным вопросам,
Цветком из-под снега пробьются два белых крыла,
Позволив свершиться немислимым метаморфозам.

Мы станем легки —
Нам отныне даровано право летать,
Кружиться, снежинки роняя в аквариум неба,
За звездным китом погружаться сквозь синюю гладь
В пространство астральных частиц и вселенских гипербола.

Мы станем собой —
Дивный замок воздвигнется из облаков,
Распишут бесцветный пейзаж акварельные ливни.
Под музыку ветра, под бой королевских часов
Мы встанем вдвоем против зла, что отныне бессильно.

Хрупкое сейчас

Должна ли я рассказывать тебе
О неизменной временности солнца?
О том, что расколовшееся бьется –
Невидимо, но каждый раз больней?
Что побеждают не в любой борьбе,
А радость снова обернется скорбью.

Так стоит ли доказывать упорно
Все то, что знать бы не хотелось мне?

Что изменю я плеском этих слов,
Когда волна уже стремится к краю?
Мы смотрим в небо, звездам отвечая
Печалью переполненных сердец.
Бушует шторм у самых берегов,
Перетекает малое в большое,
чтоб в иллюзорном замерев покое
на части разлететься под конец.

...Соединившись в целое потом
под действием незримых трансформаций.
Почти уже не страшно разбиваться
тому, кто собирал себя не раз.
Так стоит ли рассказывать о том,
что неизбежно повторится после?
Пока все так безоблачно и просто,
Я верю в это хрупкое сейчас.